

Малахова Вера Ивановна

Моя мама Малахова Елена Степановна работала когда-то на фабрике известного владельца Бронислава. Магазин у них был на проспекте Ленина, бывшей Почтамской. Фабрика была внизу, на Татарской улице. Работали они в две смены, каждая смена пользовалась бесплатным кормлением, кормили очень сытно и хорошо. Правила работы были такие: не одна продавщица не имела права садиться во время работы, с покупателями должна была быть вежливой и любезной. К Пасхе были заказаны красивые шоколадные яйца, куда могли положить золотые украшения.

Другой Бранислав–Доробелла окончил Политехнический университет, меня свела с ним судьба так: в то время было модно перед киносеансом играть джаз. Я смотрю, сидит симпатичный молодой человек с громадным аккордеоном. Мне захотелось с ним познакомиться, моя подруга знала их семью, и познакомила меня с ними. Родители его попали в Сибирь после каких-то Польских событий. После войны мы с Броней часто встречались, затем он сильно заболел астмой и после я его не видела.

Ещё меня судьба столкнула с поляком из 284 стрелковой дивизии, Алексеем Берлацким. Ему удалось попасть на прием и оказалось у него ранение в голову и на почве этого у него развилась эпилепсия. Он приобщил меня к Польской музыке, я работала в госпитале, который был на Белом озере, в здании суда. В августе 1941года Алексей Вернадский попал к нам в госпиталь.

Боевые дни.

Когда армия Чукова Василия Ивановича, в составе которой была я, дошла до Польши и взяла несколько городов, там мы с медсестрой искали бинты и встретили страшнейший польский лагерь – Майданок. Три заградительные проволочные изгороди, горы отходов угля, горы срезанных волос и горы обуви тех, кого сжигали.

Помню в Люблене нас благодарили жители и дарили цветы, а в Лодзе запомнилось – идут красивые женщины и на всех черные везали: оказывается у них там такая традиция, они шли на поминальную площадь и поминали там как польских так и русских солдат. Когда мы пришли пешком в Дрезден, весь город был в развалинах, а запах разлагающихся трупов повсюду.

Госпитали Томска

22 июня была объявлена тревога и все бросились на площадь революции, после побежали в институты и все решили идти на фронт. Большая часть медиков попала по госпиталям Томска, часть на восток и часть на Корельское направление. В Томске госпитали располагались: в Мединституте, в Университете, в Политехническом, в Педучилище на Крылова, на против почты, на площади соляной, в Доме Макрушина, в здании суда.

Когда под Москвой стало плохо стали образовываться Сибирские дивизии. Первая кадровая 166, которая вся почти погибла под Москвой, 284, 19 гвардейская и многие другие дивизии. В марте 1941года мы уже были в действующей армии, шли на лыжах под Ельцом, здесь мы попали в окружение, из 14 тысяч нас осталось половина. Затем мы пошли на Перекоп, потом на Сталинград. Меня дважды ранило и контузило, у меня было много званий. Сначала военврач третьего ранга, потом старший лейтенант, затем капитан. После я работала в санчасти МГБ. В онкологическом отделении был врач фронтовик – Ирисов. Он мне говорит, хочешь увидеть камеры, где мучили заключённых. Он показал мне в подвалах каменный мешок – вставляют человека, закрывают дверку и подняться он уже не может. Другая камера была очень низкой, там можно было лишь лежать.

Я постоянно ходила в разведке. Обычно мы заходили в деревню, искали самый лучший дом. Где потом размещалось Полковой медпункт. Однажды мы приходим, а у дверей дома стоит человек с автоматом и говорит что здесь размещается особый отдел. Эти «особисты» занимали лучшие дома. Никто из нас не любил этих «особистов».

В книге «Уходил на войну Сибиряк» рассказывается о нашей дивизии». Хочу сказать что, о нас военных врачей часто забывают и не интересуются нашей судьбой.